

которую он называл *Татья-Ныванна* (В. Нарбикова. Пробег — про бег), — А почему вас называют *Сан-Дмиц*? — А это просто для сокращения. *Александр Дмитриевич*. Все равно так слышится: *Сан-Дмиц* (Л. Кассиль. Великое противостояние).

Такім чынам, парадымматычныя адносіны паміж кампанентамі ў радзе тыпу *Александрович* — *Александрыч* — *Алексаныч* — *Саныч* не з'яўляюцца аднароднымі. Першыя два кампаненты (літаратурная і размоўная формы імя па бацьку) маюць статус моўных варыянтаў і справядліва кваліфікуюцца ў літаратуры як марфалага-стылістычныя варыянты імя па бацьку¹³. Значна рэдуцыраваныя, алеграфічныя тым не менш не супярэчаць традыцыйнаму разуменню варыянта як відазмены, якая не закранае семантычнай і матэрыяльна-структурнай цэласнасці моўнай адзінкі. І хаця аказіянальны характар гэтых форм, зразумела, не дазваляе інтэрпрэтаваць іх як моўныя варыянты імя па бацьку, яны цалкам могуць быць разгледжаныя як стылістычныя варыянты імя па бацьку, якія належаць сферы маўлення.

Відавочна, што сярод тых разнастайных моўных і экстралінгвістычных фактараў, з якімі звязана варыянтнасць імя па бацьку, найбольш уплывовымі з'яўляюцца: 1) тэндэнцыя да пераўтварэння суфіксаў *-ович* і *-овн-* у суфіксы універсальнай валентнасці; 2) фактар сітуацыйнай дэтэрмінацыі ўжывання антрапонімаў. Сваеасаблівасць тыпалагічных прыкмет разгледжаных патронімічных форм абумоўлена прынадлежнасцю апошніх як да аднаго, так і да розных функцыянальных стыляў літаратурнай мовы, а таксама да спецыфічнага для вуснай мовы кола прастамоўных элементаў.

¹ Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 80.

² Гл.: Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. М., 1988. С. 44.

³ Русская грамматика. М., 1980. Т. 1. С. 186.

⁴ Гл.: Справочник личных имен народов РСФСР. М., 1989. С. 623.

⁵ Гл.: Суднік М. Р. Слоўнік асабовых уласных імён. Мн., 1965.

⁶ Гл.: Jakobson R. *Patronymika w Słowiu o poiku Igorowie* // *Studia Linguistica in honorem Thad. Lehr-Splawinski*. PWN. 1963. S. 301—302.

⁷ Гл.: Русская грамматика. Т. 1. С. 186.

⁸ Ицкович В. А. *Очерки синтаксической нормы*. М., 1982. С. 188.

⁹ Гл.: Вопросы русского языка. Мурманск, 1971. Т. 547. С. 113.

¹⁰ Гл.: Русская грамматика. Т. 1. С. 186.

¹¹ Гл.: Петровский Н. А. *Словарь русских личных имен*. М., 1980. С. 5.

¹² Jakobson R. *On the morphological structure of the old Russian patronimics* // *Michigan Slavonic materials: Studies in Russian philology*. 1962. № 1. S. 20—21.

¹³ Гл.: Суперанская А. В. *Структура имени собственного: Фонология и морфология*. М., 1969. С. 87.

В. Е. КВАЧЕК

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕХОДА *e > o* В УСЛОВИЯХ БЕЛОРУССКО-РУССКОГО ДВУЯЗЫЧИЯ

В русской речи белорусов, а также представителей других национальностей (выступления на ТВ и по радио, беседы, интервью, политические дискуссии) широко распространена орфоэпическая ошибка — употребление фонемы <о> вместо <е> и наоборот, причем их взаимная мена происходит под ударением, т. е. в сильной позиции: «черта осёдлости», «постоянная опека», «недоумённый вопрос», «всплёск эмоций», «грядет катастрофа», «никчемный деятель», «забубенные головы», «валютная афера» и т. п.

Процесс перехода *e* (<е, ъ) в *o* в XII—XIV вв. охватил многие восточнославянские диалекты. Происходил он в позиции после мягкого согласного не перед мягким, его условия и этапы освещены в исторической литературе по языку.

Фонологическим последствием этого фонетического процесса стало возникновение позиции противопоставления согласных по твёрдости/мягкости перед непосредственным гласным [о]: ср. *ток* — *тёк* (<текъ>). Следствием усиления корреляции согласных по твёрдости/мягкости явилось

ослабление смысловозначительной функции гласных. В результате увеличивается число согласных фонем и уменьшается число гласных. Фонемы <и>, <ы> функционально объединились, фонему <е> тоже ожидала участь стать вариантом фонемы <о>, однако в отношении ее эта тенденция не получила завершения: помешал ряд известных обстоятельств (главные из них — судьба фонемы <ѣ>, заимствованная из старославянского и других языков, направление аналогии, неравномерное отвердение по диалектам последующего согласного).

В современном русском языке результаты изменения $e > o$ носят в ряде случаев регулярный характер. В первую очередь это относится к глаголам в форме прошедшего времени (*нести — нёс, обречь — обрёк, отречься — отрёкся, рассечь — рассёк*), к глаголам несовершенного вида на -ива/-ыва (*оседлать — осёдлывать, подстегнуть — подстёгивать, расплестать — расплёскивать*). Оформилась также группа отглагольных существительных с суффиксом -к-: *вёрстка, издѣвка, клѣпка, ночѣвка, похлѣбка, расчѣска, смѣтка, трѣпка, циклѣвка* и др. Вместе с тем в силу указанных выше причин в ряде случаев переход $e > o$ не произошел: *облезлый, оседлый, навет* (где $e < ѣ$); *бранный, надежда, предки* (заимств. из старослав.) и др.

Изменение $e > o$, как известно, началось до разделения древнерусского языка и в дальнейшем своеобразно отразилось в каждом восточнославянском языке. Как замечает Е. Ф. Карский, вследствие противодействия разных причин появились некоторые отступления от закона перехода $e > o$ ¹. Исследование С. П. Обнорского также подтверждает наличие в современном русском языке фактов, противоречащих данному фонетическому закону². Это же справедливо и по отношению к современным формам белорусского языка³. Явление перехода $e > o$ сближает русский язык с белорусским и отличает от украинского, в котором полумягкие согласные перед [е] [и] отвердели. Однако в условиях белорусско-русского билингвизма эта закономерность требует более детального рассмотрения.

На первый взгляд, реализация закона о переходе $e > o$ в обоих языках устойчива и регулярна. В первую очередь это относится к общеславянской лексике: *пяку, пѣк — пеку, пѣк; трэці, трох — третий, трѣх; сястра, сѣстры — сестра, сѣстры* и т. п. Но наряду с этим существует и немало отступлений от данных соответствий, учет и систематизация которых призваны сыграть положительную роль в совершенствовании сопоставительной методики преподавания.

Обратимся прежде всего к глагольным формам 2 л. ед. числа с ударяемыми окончаниями: *живеш — живѣшь, идзеш — идѣшь, нясеш — несѣшь, стрыжэш — стрижѣшь* и т. д. Полного единодушия среди историков языка в объяснении этих расхождений нет. Одни усматривали здесь воздействие аналогии, другие видели причину в более позднем отвердении шипящих в юго-западных диалектах, когда переход $e > o$ уже перестал быть живым процессом. Что касается белорусских глагольных форм 3 л. ед. числа, то условий для изменения $e > o$ здесь не было в связи с наличием исконного мягкого [т'] (<ть>), свойственного южновеликорусским говорам и в дальнейшем утраченного глаголами современного I спряжения, тогда как во многих севернорусских и среднерусских говорах развилось твердое [т] (<ть>): *живе, идзе, нясе — живѣт, идѣт, несѣт*. В 1 л. мн. числа данные формы совпали: после утраты редуцированных переход $e > o$ перед твердым согласным закономерен (*живѣм, нясѣм — живѣм, несѣм* < др. рус. *живемъ, несемъ*), однако во 2 л. мн. числа белорусский язык «уклонился» от аналогии с формой 1 л. мн. числа, воспринятой русским языком, путем переноса ударения на конечный слог, что, естественно, повлекло изменение звуковой характеристики [е] вследствие яканья: *живяцѣ — живѣте, идзяцѣ — идѣте, несяцѣ — несѣте* и т. п. В некоторых случаях ударение перешло на предыдущий слог: *завернеш — завернѣшь, зойдзеш — зойдѣшь, ікнеш — икнѣшь*.

Кроме глагольных форм, <е> перед шипящими наблюдается и в

других белорусских коррелятах, в том числе и в позднейших новообразованиях, сохранивших этот гласный по аналогии: *адзежа* (*адзенне*) — *одежда* (ст. слав. форма), *качарэжка* — *кочерёжка* (уменьшит. к *кочерга*), *плацеж* — *латёж*, *раешнік* — *раёшник*, *сцежка* — *стёжка*, *таежны* — *таёжный*, *цешча* — *тёща*; в производных формах от глагола *ляжаць* — *лежать*: *адлежваць* — *отлёживать*, *палежваць* — *полёживать*, *лежацы* — *лёжа* (но *лежбішча* — *лежбище*). Не было перехода *e* > *o* перед аффрикатой [ч] в белорусских коррелятах *гаршчэчак*, *мяшчак*. Соответствующие русские формы *горшочек*, *мешочек* образованы от *горшок*, *мешок*. В настоящее время формы с [o] как варианты проникли и в белорусский язык (*гаршчочак*, *мяшочак*).

Есть еще примеры, отражающие позицию перед шипящими, однако межъязыковые звуковые формы, испытав воздействие и других факторов, разошлись частично или полностью. В русском языке в подавляющем большинстве случаев в данной позиции представлена фонема <о>: *дэшево* (бел. *танна*), *дэжи* (ед. число от *дежа*, бел. *дзэжка*), *галдэж*, *грабэж*, *застэжка*, *корэжыць* (*корэжиться*), *кормёжка*, *кутэж*, *лёжка* (бел. *лежня*), *надэжны* (бел. *надзейны*), *нетерпёж*, *одэжка*, *падэж* (скота), *скулёж* (прост.), *тетэшката* (нянчить ребёнка), *чёртёж*. Слова с <е> редки: *валежник*, *мятеж* (*мятежный*), *прилежный*, *рубеж*, *манеж* (заимств.), *потешный* (е < ъ).

Регулярные различия закрепились в страдательных причастиях благодаря несходству акцентных характеристик: *адсэчаны* — *отсечённый*, *запэчаны* — *запечённый*, *падмэцены* — *подметённый*, *расплэцены* — *расплетённый* и др.

Последовательность изменения *e* > *o* при различии условий привела к неодинаковым результатам и в других однокорневых словах. Их можно разбить на две группы. В первую, более многочисленную, включим межъязыковые единицы, сохраняющие в белорусском языке ударный [e], которому в русских коррелятах соответствует [o] (возможны варианты): *аднайменны* — *одноимённый*, *апенька* — *опёнок*, *асетр* — *осётр*, *блеклы*, *блекнуць* — *блёклый*, *блёкнуць* (и доп. *блеклый*, *блекнуть*), *вычэсваць* — *вычёсывать*, *дрэма* (разм.) — *дрёма* (разг.), *падрэдваць* — *подрёвывать*, *елка* (и *ёлка*) — *ёлка* (*ель*), *зерні* — *зёрна*, *касцельны* — *костельный* (от *костёл*), *манеўр* — *манёвр*, *мерзнуць* — *мёрзнуть* (и ряд производных: *абмерзнуць*, *мерзлы* — *обмёрзнуть*, *мёрзлый* и др.), *наметка* — *намётка*, *нікчэмнасць* — *никчёмность*, *павернуты* — *повёрнутый*, *пустабрэх* — *пустобрёх*, *рэбры* (*рэберны*, *падрэберны*) — *рёбра* (*рёберный*, *подрёберный*), *растрэдваць* — *растрёвывать*, *расчэсваць* — *расчёсывать*, *саскрэдваць* — *соскрёбывать* (и *соскребать*), *чэрствы*, *чэрствасць* — *чёрствый*, *чёрствость*; *шэпт*, *шэптам*, *нашэптаць* — *шёпот*, *шэпотом*, *нашэптаць*; *шэртка* (*разнашэрсны* и др.) — *шёрстка* (*разношёрстный* и др.).

Во вторую группу входят корреляты с обратным соотношением ударных гласных, т. е. в белорусском языке [o], в русском — [e]: *афэра* (и *афера*) — *афера*, *галалёдзіца* — *гололедица*; *дзёрзкі*, *дзёрзкасьць* — *дерзкий*, *дерзость*; *дзябёлы*, *дзябёласць* — *дебелый*, *дебелость*; *ёр* (ъ) — *ер* (ъ), *ёсць* — *есть* («иметь»), *лёска* — *леска*, *Нёман* — *Неман* (река), *пёры* — *перья* (мн. число); *продак*, *продкі* — *предок*, *предкі* (из ст. слав.), *плячора* — *пещера* (из ст. слав.); *усплёск*, *усплёскаць* — *всплеск* (но *всплэскаваць*), *ужо* — *уже* (наречие и частица); *шчодры*, *шчодрасць*, *расшчодрыцца* — *щедрый*, *щедрость*, *расщедриться*.

Приведенный перечень свидетельствует о нарушении закономерности перехода *e* > *o*, причем в белорусских коррелятах чаще наблюдается сохранение <е> в условиях, допускающих его изменение в <о> (*асетр*, *блеклы*, *мерзнуць*, *рэбры*, *шэпт*, *шэртка*) в ряде производных глагольных форм и по аналогии в позднейших заимствованиях (*манеўр*, *нікчэмнасць*). Во второй группе паралекс в корреляте *галалёдзіца* следовало ожидать <е>, как в русском, но, видимо, оказала влияние форма *галалёд*, «Незаконное» <о> в белорусском корреляте *лёска* (на месте ъ <

др. рус. *лѣса*). Неожиданным кажется «разногласие» в параллексах *продак, продкі — предок, предки* (из ст. слав. *прѣдѣкъ*, ср. полногласные формы *перад — перѣд, передок*; в белорусском наиболее вероятно влияние польской формы *przodek* «предок», ср. также *напарстак — напёрсток*, польск. *naparstek*). Переход *e>o* был бы закономерен в русских коррелятах *щедрый, дебелый, всплеск*, общеславянских по происхождению, но, по всей вероятности, был усвоен старославянский вариант (ср. *плескъ, плескати; дебелъ, штедръ* — старославянский язык в силу своей специфики не мог воспринять позднейшие фонетические процессы). В слове дерзкий [e] сохранился в связи с позднейшим отвердением [p] в сочетании редуцированного с плавным (< *дърз — + ѣкъ*). Гидроним *Неман* М. Фасмер относит к балтийским заимствованиям (лит. *Nėtinias*), однако, учитывая древность названия, форму с [o] *Нѣман* следует признать закономерной.

При переходе *e>o* в конце слова в обоих языках формы обычно совпадают (*кап'ё, ружжо — копѣ, ружьѣ*), но в единичных случаях закрепилось различие: *яшчэ — ещэ, ужо — ужэ*. Кроме того, в позиции между <j> устойчиво различаются данными звуками падежные формы некоторых местоимений: *ѣй, ёю* (< *юи, юю*), *маѣй, тваѣй, сваѣй, усѣй — ей, ею, моей, твоей, своей, всей*. Полагаем, что в белорусских коррелятах воздействие форм именительного падежа (*маѣ, тваѣ, сваѣ, усѣ — моѣ, твоѣ, своѣ, всѣ*) было более интенсивным, чем в соответствующих русских. В редких случаях изменение *e>o* диктовалось особыми причинами. Ср. формы наст. времени глагола *быць — быть: ёсць — есть* или название буквы *ѣ: ёр — ер*. В первом случае переход *e>o* позволял избежать омонимии с нетематическим глаголом *ѣсти*, третье лицо *ѣсть*, во втором — различать буквы *ѣ* и *ь* (*ёр, ер*), в то время как в русском они различаются твёрдым и мягким согласными (*ер, ерь*).

Таким образом, сформировалась довольно прихотливая группа межъязыковых единиц (их можно считать параллексами), по-разному отражающих древний фонетический закон. Века раздельного существования белорусского и русского языков внесли свои коррективы, что и привело к звуковому расхождению. Интенсивные лексические заимствования, свойственные новому времени, также привнесли колебания в употребление фонем *e//o* в рассмотренной позиции, тем более что необязательность употребления буквы *ё* нашей орфографией допускается (ср. *гренадер, ксѣндз, маркѣр, скабрѣзный, флѣр, флибустьер, фронтѣр* и т. п.). В условиях контактного билингвизма почти полное семантическое тождество и звуковое подобие этих единиц значительно осложняет их «мирное сосуществование», провоцируя невольное вторжение на дружественную, но всё же чужую языковую территорию. Современные словари вынуждены фиксировать значительное число вариантов, уделять особое внимание данным формам, иногда отвергая, как просторечное, произношение, нормативное в белорусском литературном языке. Например, в Орфоэпическом словаре русского языка (М., 1985) даны варианты: *афера* (неправ. *афѣра*), *белѣсый* (и доп. *белесый*), *манѣвр* (и доп. *маневр*), *современный* (неправ. *совремѣнный*), *одноимѣнный* (не рек. *одноименный*), *одноплемѣнный, разноимѣнный, местоименный* (и доп. *местоимѣнный*), в глаголе прош. времени *пересѣк* (и доп. устар. *пересек*), *щёлка* и др. Ср. в Тлумачальным слоўніку беларускай мовы: *афѣра* и *афера, аднапляменны, разнаіменны, перасек* и др. Такой фонетический разнороб, результат внутреннего развития фонологических систем и продолжительных языковых контактов, наверняка повышает вероятность произносительной погрешности у лиц, владеющих обоими языками. Отсюда вытекает необходимость в процессе обучения уделять усиленное внимание данной группе межъязыковой лексики.

¹ Гл.: Карский Е. Ф. Белорусы. М., 1955. Вып. 1. С. 174.

² Гл.: Обнорский С. П. Переход *e* в *o* в современном русском языке // Избранные работы по русскому языку. М., 1960.

³ Гл.: Бірыла М. В. Вынікі пераходу *e* (<*e, ь*> у *o* і з'явы, звязаныя з ім, у беларускай мове // Праце філologiczne. Warszawa, 1964. Т. 18. Cz. 2.